

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАЗАХСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. С. М. КИРОВА

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ

Т О М XXXVIII

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

ВЫПУСК 4

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

А Л М А - А Т А 1959 г .

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. Б. АХИНЖАНОВ,

кандидат исторических наук

ЭТНОГЕНЕЗ КАЗАХСКОГО НАРОДА

(Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук)

Данный автореферат является кратким изложением диссертации на соискание степени доктора исторических наук по теме «Этногенез казахского народа». Хронологически диссертация охватывает огромный период с древнейших времен до начала образования казахского и других народов Южной Сибири и Средней Азии.

Этногенез бывших кочевых и полукочевых народов относится к наиболее трудным, малоразработанным и порой запутанным проблемам. Некоторые вопросы этногенеза казахского народа были затронуты представителями дворянско-буржуазной историографии — Н. Аристовым, А. Харузиным, Л. Мейером, Ф. Красовским, В. Бартольд, М. Танышпаевым и другими.¹ Их работы характеризуются классовой ограниченностью и порочной методологией. Этногенез казахского народа они рассматривали вне связи с развитием производительных сил и производственных отношений в Казахстане, а также без учета этногенеза других народов Южной Сибири, Средней и Центральной Азии. К тому же эти авторы совершенно не учитывали роли автохтонного населения в этногенезе казахского народа. Решающее значение в происхождении казахского народа дворянско-буржуазная историография придавала миграции различных этнических групп и племен на территории Казахстана.

В советский период отдельные вопросы этногенеза казахского народа разрабатывались А. Чулошниковым, М. Вяткиным, Н. Мынжановым.

¹ Аристов, «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов», «Живая старина», в. III—IV, СПб, 1894; его же, «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности», СПб, 1897; А. Харузин, «К вопросу о происхождении киргизского народа», «Этнографическое обозрение» № 3, М., 1895; Л. Мейер, «Киргизская степь Оренбургского ведомства», СПб, 1865; Ф. Красовский, «Область сибирских киргизов», ч. I, 1868; В. Бартольд, «История Туркестана», Ташкент, 1822; М. Танышпаев, «Материалы к истории киргиз-казакского народа», Ташкент, 1925.

вым, Х. Адильгиреевым, В. Шахматовым и С. Аманжоловым.² Указанные исследователи не ставили перед собой задачи всестороннего и последовательного освещения этногенеза казахского народа. Они изучали только отдельные вопросы этой сложной проблемы, опираясь главным образом на письменные источники.

В предлагаемой к защите диссертации предпринята попытка освещения этногенеза казахского народа на основе изучения целого комплекса источников: археологических, лингвистических и письменных.

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. Первая глава называется «К вопросу об этногенезе казахского народа»; вторая — «У истоков этнической истории Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии», третья — «Образование пастушеских и кочевых скотоводческих племен», четвертая — «Сложение племенных союзов и начало образования казахского народа на территории Южной Сибири и Казахстана».

В первой главе анализируется накопившийся за многие годы фактический материал об этногенезе казахского народа, при этом впервые в историографии Казахстана обращается значительное внимание на разбор и привлечение казахских исторических источников: устной истории («шежере»),³ фрагментов письменной истории, остатков материальной культуры, данных лингвистики и т. п. Самостоятельность и оригинальность этой главы заключается в том, что в ней вводятся в научный оборот многочисленные данные об этногенезе кочевых и полукочевых народов, который представляет из себя длительный и сложный процесс исторического развития. Этот процесс в итоге приводит к тому, что различные антропологические элементы вливаются в состав данного народа. На основе фактического материала диссертант доказывает, что этногенез казахского народа нельзя рассматривать с того времени, когда впервые в письменных источниках XVI века появляется этнический термин «казахи». Задача диссертанта состоит в том, чтобы восстановить действительную историю предков казахского народа, уходящую в глубь веков.

В глубокой древности названия народов — туркмены, узбеки, казахи, кара-калпаки, хакасы и другие могли и не существовать. Но это

² А. Чулошников, «Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен», Оренбург, 1924; М. Вяткин, «Очерк по истории Казахской ССР с древнейших времен по 1870 год», М., 1941; Н. Мынжанов, «Материалы казахской истории», Урумчи, 1948 (на казахском языке); Х. Адильгиреев, «К истории происхождения казахского народа», Известия Академии наук Казахской ССР, серия историческая, Алма-Ата, 1949; В. Шахматов, «К вопросу об этногенезе казахского народа», Известия Академии наук Казахской ССР, серия историческая, Алма-Ата, 1950; С. Аманжолов, «Некоторые сведения о древнейших племенных диалектах казахского языка», Изв. АН Каз ССР, серия филологии и искусствознания, в. 1—2, Алма-Ата, 1954.

³ Некоторые историки (В. Шахматов и др.) считают, что «шежере» целиком являются сочинением мусульманского духовенства конца XIX — нач. XX вв., не имеющим «ничего общего с подлинной историей казахов» и поэтому не заслуживающим никакого внимания. (История Казахской ССР, т. I, 1957, стр. 132). Неправильность подобных взглядов более чем очевидна. Советский историк не может отказываться от изучения таких ценных памятников народного устно-поэтического творчества, как «шежере», которые веками передавались из поколения в поколение. Внимательное и критическое изучение «шежере» дает возможность выделить в них подлинные исторические события и отбросить реакционные наслоения. Между прочим, пример марксистско-ленинского изучения «шежере» недавно показал журнал «Советская этнография». На основе изучения башкирских «шежере» в этом журнале поднята такая важная проблема, как присоединение Башкирии к России в XVI в. (См. «Советская этнография» № 4, стр. 3—12, М., 1957).

не может быть препятствием для изучения их древних корней, ибо современные народы и нации не свалились с неба, а прошли длительный и сложный исторический путь развития.

Этногенез казахского народа изучается нами в органической связи с происхождением народностей Южной Сибири и Средней Азии, вместе со всей историей развития многочисленных кочевых, полукочевых и оседлых родов и племен. Практика исследования привела нас к выводу, что этногенез казахского народа необходимо рассматривать в тесной связи с историей этнического развития всех народов Южной Сибири, Казахстана, Средней и даже Центральной Азии. Это диктуется наличием общих остатков материальной культуры, а также общностью исторических и географических условий.

Отдельные племена и роды, вошедшие потом в состав одного из народов Средней Азии и Южной Сибири (в данном случае в состав казахского народа), были в то же время одним из компонентов других народов Южной Сибири и Средней Азии (туркмен, узбеков, киргиз, каракалпаков, башкир и других).

Некоторые историки рассматривают этногенез народов Южной Сибири, Средней и Центральной Азии и Нижней Волги в рамках существующих в настоящее время территориальных границ. Такой метод исследования лишает историков возможности раскрыть действительное происхождение этих народов и их историю с момента зарождения родоплеменной организации и до образования их в народность и нацию.

Из всех племен, которые вошли в состав казахского народа, только лишь усуны, канглы и некоторые мелкие племена и роды Младшего жуза в древности жили на современной территории Казахстана. Остальные племена, например, аргины, найманы, киреиты, дулаты, кипчаки, карлуки, тюркешы и другие в древнейшие времена обитали на территории Северо-Западного и Юго-Восточного Алтая. Предки туркмен (огузы) и киргизы жили в верховьях Оби и Енисея; в то же время их кочевья доходили до степных оазисов Средней Азии и Южного Урала на юго-западе и до бассейна реки Тарима и предгорий Тянь-Шаня на юго-востоке. Часть этих племен и поныне живет там.

Отождествление большей части казахов и других южносибирских народов с монгольской народностью было сознательно предпринято сарайскими (придворными) историкам Рашид-ад-Дином и Абул-Гази-Багадур-ханом. Такое ложное представление в исторической науке удерживалось длительное время потому, что в Азии в течении 500 лет господствовала панмонгольская идеология. Но несмотря на это, ни один казахский шежрист никогда не причислял казахов к монгольской народности. Казахи считали для себя оскорбительным, когда их называли монголами. Недаром Абай Кунанбаев заявлял, что «не надо оскорбляться («теорией») монгольского происхождения казахов, надо оскорбляться незнанием истории своего народа». Да и сами монголы, пришедшие с полчищами Чингиз-хана, особенно потомки самого Чингиз-хана, ставили китайскую стену между собой и местным тюркским населением, шовинистически называя себя «белой костью»; выделяя тем самым себя в особую касту.

В диссертации приводятся многочисленные археологические, этнографические и исторические материалы, свидетельствующие о том, что та часть казахов, которая некоторыми историками до сих пор считается монгольского происхождения (аргины, найманы, киреиты, конраты, жалайиры и другие), фактически никакого отношения к монголам Чин-

⁴ См. «История Казахской ССР», т. I, стр. 132—134; автор главы В. Ф. Шахматов.

гиз-хана не имеет. Этим мы не отрицаем известного смешения монгольской расы с местным европеоидным населением, которое, однако, происходило задолго до нашествия Чингиз-хана. В результате такого смешения на заре нашего летоисчисления произошел смешанный, так называемый южносибирский антропологический тип, не имеющий никакого отношения к тем монголам, которые затопили кровью весь Казахстан, в том числе пайманов, аргингов, киреитов. Механическое причисление аргингов, найманов и киреитов к монголам носит явно антинародный характер, вольно или невольно оправдывает утверждение алашордынцев, что казахи являются потомками «всемогущего» Чингиз-хана.

В этой же главе приводятся материалы, которые полностью опровергают утверждения панмонголистов о том, что аргины, карлуки, найманы, киреиты, ягма, теле и другие племена якобы принадлежали к монгольскому, а не к южносибирскому антропологическому типу. На огромной территории от Минусинского края до Западного Казахстана, начиная с эпохи неолита и до конца бронзового века, решительно преобладала европеоидная примесь в антропологическом типе населения. Эта примесь под названием андроновского типа на территории Казахстана сохранилась до конца бронзового века, т. е. до V—IV веков до н. э.

В раннем железном веке (скифо-сарматское время), по-видимому, не происходит существенных изменений в распределении расовых типов на всей территории СССР, и, в частности, в Казахстане.

На основании имеющихся в нашем распоряжении материалов, опираясь на комплексное изучение данных археологии, этнографии, лингвистики и устной казахской истории («шежере»), мы приходим к выводу, что своему происхождению казахский народ относится к одному из древнейших автохтонных народов, принадлежащих к центральной фигуре южносибирского расотипа.

Как сказано выше, история этногенеза бывших кочевых и полукочевых народов относится к числу наиболее трудных, малоразработанных и порою запутанных проблем. Трудности изучения этногенеза таких народов обусловлены не только отсутствием письменных данных, но и плохой изученностью остатков материальной культуры, которые в связи с кочевым образом жизни населения остались весьма разбросанными и малодоступными для исследования. Но диссертант придерживается тезиса о том, что чисто кочевых народов вообще не существовало. Сама разборная юрта с прикрытием фундамента в зимнее время («ірге көму») предполагает определенную оседлость. Посезонное повторение кочевки в одной и той же местности («жайлау» и «кузеу»), несомненно, способствовало образованию культурных слоев с материальными остатками, что доказано при поднятии целинных и залежных земель. К этому надо добавить еще то, что при частичном занятии кочевых народов земледелием элементы оседлости были неотъемлемой частью кочевого скотоводческого хозяйства. Об этом К. Маркс писал: «У всех восточных народов можно установить общее взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен с продолжающимся кочевничеством другой части».⁵

Термин «кочевник» охватывает лишь одну сторону в едином процессе развития социально-экономической структуры кочевого скотоводства. Изучая этот процесс, мы должны помнить о сочетании кочевого хозяйства с оседлым земледелием, при этом подчеркивая специфические особенности каждого из них.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 488.

Изучая этногенез кочевых и полукочевых народов, автор применяет так называемый ретроспективный метод изучения истории древнейшего мира, поскольку он с большой вероятностью устанавливает языковую и другую непрерывность развития народов.

Изучаемые автором археологические, этнографические, антропологические, языковые и исторические материалы представляют комплекс источников, дополняющих друг друга, подтверждающих одни и те же факты различными аргументами.

Для более раннего периода (доандроновского) истории казахского народа не обнаружено еще остатков материальных культур подобных, например, кельтеминарской для междуречья Средней Азии и афанасьевской — для верховьев Енисея. Между тем археологи установили, что остатки афанасьевской культуры отложились в пределах территории Казахстана (до Центрального Казахстана) и восточного склона Уральских гор, а остатки кельтеминарской культуры охватывают всю территорию Северо-Западного и отчасти Центрального Казахстана.

Таким образом, остатки кельтеминарской и афанасьевской культур встречаются почти по всему Казахстану, конечно, в одних местностях больше, а в других меньше, одни из них более похожи, а другие менее похожи. Археологи, например, петропавловские археологические материалы называют вариантом кельтеминара, а карагандинские — афанасьевским вариантом.

Следующей по времени явилась андроновская культура. В диссертации доказывается, что материальной базой возникновения и развития этой культуры были кельтеминарская и афанасьевская культуры, что андроновская культура была культурой будущего кочевника.

Отметим, что изучение истории этих материальных культур подкрепляется данными ученых Греции, Рима, Китая, Ирана и др. Нами приводятся факты из произведений Геродота, Страбона, Диодора, Ксенофонта, Арриана, Курция, Плутарха, Полибия, Гиппократ, Аммиана Марцеллина, Плиния Старшего, Птолемея, Менандра Протектора, Константина Порфирородного, Сыма-цзя, Чэнь-цзя и многих других. Данные этих авторов сопоставлены диссертантом с археологическими, этнографическими и лингвистическими материалами, а также с данным устного творчества казахского народа.

Применительно к условиям Казахстана, Южной Сибири и Средней Азии мы использовали те материалы, которые годами собирались и изучались С. В. Киселевым, В. В. Грозовым, Н. К. Ауэрбахом, Г. П. Сосновским, С. П. Теплоуховым, М. П. Грязновым, А. П. Окладниковым, О. А. Граковой, А. Н. Бернштамом, Л. П. Потаповым, С. П. Толстовым, А. Х. Маргуланом, Я. Г. Гулямовым, Ф. Г. Дебсом, В. В. Гинзбург, Л. В. Ошаниным, А. А. Сменовым, М. О. Ауэзовым, С. С. Черниковым и другими.

Пять лет тому назад науке ничего не было известно об эпохе палеолита на территории Казахстана. Тогда археолог С. С. Черников, занимающийся в течение многих лет археологическими раскопками в Казахстане, констатировал, что «палеолетические стоянки в Казахстане до сих пор еще не обнаружены». Теперь же в результате новейших исследований близ деревни Пещера Бухтарминского района обнаружены стоянки человека древнекаменного века. Этот факт целиком подтверждает вывод диссертанта о том, что территория Казахстана наравне с югом была обитаема первобытным человеком.

* * *

Вторая глава диссертации посвящена изучению первобытнообщинного строя на территории Южной Сибири и Казахстана. На основе данных археологических экспедиций С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, С. В. Киселева, С. А. Граковой, М. П. Грязнова, С. С. Черникова, А. Х. Маргулана и других ученых в диссертации дается следующая периодизация первобытнообщинного строя на территории Казахстана и Южной Сибири: первобытное стадо; первобытная родовая община; первобытно-соседская (аульная) община.

В основу изучения периодизации первобытнообщинного строя на территории Южной Сибири и Казахстана положен способ производства, причем выясняется становление, развитие и разложение каждого из этапов данного строя и подчеркиваются различные формы, характеризующие первобытнообщинные производственные отношения. Периодизацию первобытнообщинного строя диссертант пытается увязать с этапом археологической периодизации. Так, период первобытного стада совпадает с эпохой нижнего палеолита, а первобытно-родовая община соответствует эпохе верхнего палеолита и началу неолита. Эпоха соседской (аульной) общины соответствует последней стадии неолита и бронзовому веку.

На первом этапе первобытнообщинного строя в пределах Южной Сибири и Казахстана начинает зарождаться трудовая деятельность людей. В физическом облике человека позднего палеолита можно уже обнаружить древние формы современных рас, о чем свидетельствуют найденные фрагменты лобной кости с резкоуплощенным переносием на стоянке Афонтова гора под Красноярском (1937 г.). В этой связи отметим наличие идентичного материала на территории Казахстана, найденного на месте сооружения Бухтарминского озера; этот последний аналогичен также с материалом раскопок, произведенных Г. П. Сосновским и другими археологами, на территории Южной Сибири и Средней Азии (палеоевропеоидный физический тип).

В главе показывается, что переход к верхнему палеолиту и неолиту на территории Южной Сибири и Казахстана сопровождается возникновением рода. Главным содержанием этой эпохи является общинно-родовой способ производства, где главенствующая роль принадлежит родоначальнице — матери. Археологические материалы свидетельствуют о том, что в Южном, Северном и Восточном Казахстане уже тогда существовали групповые браки: в большом земляном доме с одним неугасающим очагом группировались материнские роды.

Третьим этапом первобытнообщинного строя является соседская община. Археологически она охватывает весь период верхнего неолита и захватывает первую стадию бронзового века. На основе палеоантропологических материалов в составе аборигенного населения Сибири просачиваются элементы двух антропологических типов: уральский и южно-сибирский. Наиболее характерными представителями последнего типа являются казахи и отчасти киргизы. Следовательно, можно считать окончательно похороненными утверждения некоторых ученых о безродном, бесплеменном и внезапном появлении казахов в XVI веке. Китайские источники⁶ подтверждают, что усунь, кангюй и другие компонен-

⁶ См. «Жүнгенін батыс, солтүстігіндегі аз Ұлттар тарихы дерегі», Шың-Аль, 1955. Перевод фрагментов с китайского языка на казахский язык Бапина Б.

ты будущего казахского народа еще 250 лет до н. э. назывались касами.⁷

В этот период на смену камню появляется металл, что связано с подъемом всех отраслей хозяйственной деятельности человека: приручением домашних животных, развитием ремесла и обмена, ростом военной техники, применением труда рабов (пленников) в сельском хозяйстве, без чего было немыслимо существование племенных аристократов, имевших в собственности большое количество домашних животных.

На основе изучения фактического материала в главе показано возникновение и развитие собственности отдельной патриархальной большой семьи, противостоящей родовой общественной собственности, которая все более и более превращается в фикцию и тем самым ведет к появлению противоречий между ушедшими вперед производительными силами и старыми общинно-родовыми производственными отношениями. Нами показывается смена первобытно-родовой общины первобытно-соседской общиной, называемой иногда аульно-пастушеско-скотоводческой.

Для доказательства этого приводится материал кельтеминарской и афанасьевской культур. Известно, что носители кельтеминарской и афанасьевской культур обитали на обширных пространствах степной и горно-степной долины Казахстана, а также на территории горного Алтая, Средней Азии и Нижней Волги.

Правильные догадки по этому поводу высказал академик В. В. Радлов еще в 1865 году. Он писал, что обнаруженные у села Котанды на реке Катунь и в долине реки Берели остатки материальной культуры имеют много общего (как по своей форме, так и по своему стилю) с хорошо уже известной в то время сакско-скифской культурой Средней Азии и Юго-Восточной Европы.

В советское время проводились и проводятся археологические экспедиции, которые во многом подтвердили данные дореволюционных археологов, этнографов, антропологов и лингвистов.

Результаты советских археологических экспедиций нашли подробное освещение в капитальных трудах С. В. Киселева, Л. П. Потапова, М. П. Грязнова, С. И. Руденко, А. Н. Бернштама, С. П. Толстова и других специалистов по истории Южной Сибири и Средней Азии. Все культуры, обнаруженные в разных местностях Южной Сибири и Средней Азии, они оценивают как имеющие тесные связи друг с другом. Так, профессор С. И. Руденко писал: «Племена горного Алтая в скифское время, как можно судить из полученных нами данных, не жили изолированно. Объясняется это тем, что они являются частью родственных им по культуре а возможно и по происхождению племен, населяющих степные пространства в предгорьях Тарбагатая, а также среднеазиатского междуречья и оазисов Бактрии, населенные оседлыми земледельческими племенами. Отделившись от последних, но живя с ними общей жизнью, горноалтайские племена, принимая участие в военных походах, а в мирное время поддерживая торговые связи с югом, обогащали свою самобытную культуру опытом и достижениями культуры своих со-

⁷ В газете «Оренбургский листок» за 1886 г. 23 марта (№ 13) А. Е. Алекторов, ссылаясь на древний источник «*Memoire de populogist*», (т. III, стр. 52) и на казахский источник «*шежере*», писанный во время царствования Бориса Годунова, подтверждает, что все названия казахских племен, улусов (найман, кипчак, жалаур, курлай, карлук, каткин и др.) были известны еще 600 лет до н. э.

сседей в Средней и Передней Азии». ⁸ «Большую роль в сложении сарматских племен,— пишет К. Ф. Смирнов,— сыграли взаимоотношения между срубными, тазабагыбскими и андроновскими племенами Поволжья и Южного Урала». ⁹

Такой тезис поддерживается почти всеми археологами с того времени, когда стали известны первые археологические материалы Южной Сибири и Средней Азии. Почти все археологи признают общность казахстанской культуры от горного хребта Саяно-Алтайского плоскогорья Южной Сибири и нижнего течения Урала (на юго-западе) до Семиречья (на северо-востоке) с культурами Центрального, Южного и Северного Казахстана. Эта общность определяется поразительным сходством стиля, формы и содержания изобразительного искусства, распространенного в этих местах.

В пользу указанного тезиса говорят выводы антропологов В. В. Гинзбурга и Н. Г. Залкинда. Они пришли к единому мнению, которое было поддержано Г. Ф. Дебецом. «На материалах, охватывающих большой промежуток времени,— пишут В. В. Гинзбург и Н. Г. Залкинд,— нам удалось проследить изменения расовых типов на этой территории от андроновского до южносибирского, что отражает историческое развитие казахского народа на базе древнего местного населения этой обширной территории, к которому в начале нашей эры примешивались этнические группы из Центральной Азии и Юго-Восточной Сибири. Эти наслоения, влиявшие на изменение древнего местного антропологического типа, особенно ясно видны на антропологических материалах, датируемых рубежом н. э., VI—VII вв. н. э., соответствующих проникновениям кочевых этнических групп (гуннов, тюрков, монголов) с востока». ¹⁰

В основе всех этих образований были носители таких материальных культур, как афанасьевская, кельтеминарская, андроновская, скифско-сакская, бегазийская, тагарская, маэмирская, газырьская, усунькангуйская, гунно-сарматская и других. Материальные остатки этих культур находятся по всему Казахстану.

Исходя из всего этого, а также на основе остатков материальных культур, найденных на новостройках и целинных землях Казахстана, можно считать, что на территории Казахстана и Южной Сибири существовал первобытнообщинный строй и первобытный человек.

В главе приведены выводы антропологов, которые занимались анализом данных по антропологии Южной Сибири. Вот что говорит М. Г. Левин: «Генезис южносибирской расы в настоящее время можно считать достаточно выясненным. Палеоантропологические исследования Г. Ф. Дебеца и В. В. Гинзбурга позволили установить широкое распространение на территории Казахстана и Южной Сибири древних ярко выраженных европеоидных типов, которые преобладали здесь еще в I в. до н. э. Костные материалы из древних погребений Казахстана позволили, в частности, проследить смену европеоидного типа с низким и очень широким лицом (так называемой андроновский тип) позднейшими монголоидными типами. Центрально-азиатского происхождения и последовательные этапы древних европеоидов с монголоидами, в ре-

⁸ С. И. Руденко. «Горноалтайские находки и скифы», М., 1952, стр. 275; См. также «Записки Русского Археологического общества», т. VII, 1895, стр. 2—7.

⁹ «Советская этнография», № 4, 1957, стр. 151.

¹⁰ В. В. Гинзбург и Н. Г. Залкинд, «Материалы к кринологии казахов», «Сборник музея антропологии и этнографии», т. XVI, 1955, стр. 461.

зультате чего и сложился южносибирский тип современных казахов.¹¹

Г. Ф. Дебеч пришел к такому выводу: «К неолиту и бронзовому веку относится ясно выраженная европеоидная примесь в сторону преобладания европеоидного типа с Минусинского края и Алтая на запад по Южной Сибири и Казахстану».¹²

Смена культур происходила постепенно; культура каждого нового этапа создавалась на основе культуры старого этапа. Так, от афанасьевской культуры развитие шло к андроновской, от андроновской — к скифско-сакской и бегалийской. Это происходило потому, что каждое поколение, вступая в жизнь, заставляло уже готовые производительные силы и производственные отношения и тем самым невольно воспринимало старое; в то же время оно создавало новую, более высокую культуру.

Основой хозяйства этого периода является приручение домашних животных, о чем свидетельствуют афанасьевские материалы. С. В. Кисилев, например, считает, что афанасьевцы были первыми скотоводами. Об этом же свидетельствуют находки на стоянках Джезказгана, Жеты-Конура, Бетпак-Далы и других. Основным материалом для производства орудий служили камень и кварцит, но появляются уже изделия из меди.

Афанасьевская культура сменяется этапом бронзы, который можно отнести к XIV—XII вв. до н. э. На территории Казахстана он представлен памятниками Буглы и Акша-Тау. Если судить по найденному материалу, то надо сказать, что в это время были приручены все виды животных: коровы, лошади, овцы и др.

До нас не дошло само название этих народов, они известны нам из сохранившихся имен и прозвищ, данных соседними более цивилизованными народами. Особенно это касается китайских источников. Южносибирским народностям соседи давали названия по созвучию наречий.

Таким образом, диссертант пришел к выводу, что Казахстан был обитаем первобытными людьми, которые непрерывно развиваясь от одной ступени к другой, дошли до эпохи, известной нам по письменным источникам (IX—X вв. н. э.). Это, в частности, неопровержимо доказывается материалами, собранными археологом С. С. Черниковым на месте будущего Бухтарминского озера, где точно удалось установить непрерывное развитие и существование всех основных этапов развития человеческого общества, начиная от периода на 80 тысяч лет в глубь веков и кончая IX—X веками н. э.¹³ Следовательно, происхождение казахского народа своими корнями уходит в глубокую древность.

* * *

Третья глава посвящена образованию кочевых скотоводческих племен на территории Южной Сибири и Казахстана. Такие данные представлены материалами андроновской культуры.

Хронологические рамки андроновской культуры археологами отнесены к XV—VIII вв. до н. э. Несмотря на обилие материалов этой культуры на территории Казахстана, она изучена еще недостаточно. Тем не менее можно сделать вывод о том, что в период этой культуры в преде-

¹¹ М. Г. Левин, «Антропологические типы Сибири и их генезис», М., 1956, стр. 9.

¹² Г. Ф. Дебеч, «Основные итоги палеоантропологических исследований в СССР», М., 1956, стр. 10.

¹³ См. материалы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции, возглавляемой археологом С. С. Черниковым. Находятся в институте истории, археологии и этнографии АН КазССР.

лах Казахстана образовались кочевые скотоводческие племена, ставшие потом основными компонентами предков казахского народа.

Ареалы андроновской культуры обнимают все степные и горно-степные области, северные границы которых достигают Сибирской магистрали, а на юге они простираются до культурных оседлых районов Средней Азии и Южного Урала.

Почти все археологи пришли к выводу, что основным занятием обитателей андроновской культуры было развитое кочевое скотоводство в сочетании с земледелием. Об этом свидетельствует оседлость и земледелие, следы которых найдены почти везде, где были обнаружены остатки андроновской культуры.

Скотоводство было основным занятием жителей Казахстана и Южной Сибири этого периода. Благополучие общества, отдельных семей и членов зависело от количества скота. О скотоводческом хозяйстве этого периода свидетельствуют остатки жилища, одежды, пищи и сооружения умершим.

Остатки андроновской культуры подтверждают и то, что скот в это время был приручен мужчиной, ухаживал за скотом тоже мужчина; скот принадлежал только мужчине, ему же принадлежали, как говорил Энгельс, и полученные в обмен на скот товары и рабы. «Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала лишь в потреблении его, как член семьи, как мать, но она не имела доли в собственности».¹⁴

Появление собственности началось внутри семьи; глава семьи был первым собственником скота. В связи с появлением собственности на скот в семье, роль женщины в производстве стала теперь незначительной. В результате всего этого «мужчина захватил и в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение, была превращена в слугу, в рабу его похоти, в простое орудие деторождения».¹⁵

В главе приводятся данные о переходе от матриархата к патриархату, свидетельством чего является устройство могильных сооружений, изменения в обряде захоронения. Наиболее характерными обычаями захоронения в этот период являются скорченные тела захороненных, свидетельствующие, по-видимому, о насильственной смерти женщин и беспорядочном бросании их трупов в могилу. Такие захоронения найдены повсеместно, где имеются остатки андроновской культуры. Для примера можно сослаться на погребение кургана № 2 аула Данды-бай, Карагандинской области, в котором женский костяк находится в таком неестественном положении.

Патриархат означал приручение животных, переход от пастушеского скотоводства к кочевому, возникновению частной собственности и государства. Приручение животных и появление развитого скотоводческого кочевого хозяйства приводило к дальнейшему развитию обмена. Данные андроновской культуры подтверждают высказывание Ф. Энгельса о том, что скотоводческие племена стали производить не только молоко, молочные продукты и мясо, но также шкуры, шерсть, козлий пух, пряжу и ткани. «Это,— говорит Ф. Энгельс,— впервые сделало возможным регулярный обмен».¹⁶

¹⁴ Ф. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Госполитиздат, 1950, стр. 167.

¹⁵ Там же, стр. 57.

¹⁶ Там же.

Об этом свидетельствуют разнообразные и устойчивые формы украшений и высокая техника их изготовления, практиковавшаяся в период андроновской культуры.

Сопоставляя ассортименты соседних синхронических культур с андроновской, археологи установили, что там ассортименты по количеству были незначительными, тогда как в Казахстане известно около 30 ассортиментов отличных друг от друга украшений, что показывает более высокое развитие обмена и торговли на территории Казахстана по сравнению с оседлыми районами.

Основным предметом обмена был скот, выполнявший функцию денег. Как указывал Ф. Энгельс: «Скот, таким образом, сделался товаром, посредством которого оценивались все товары и который охотно повсюду принимался в обмен».¹⁷ Такие формы обмена продолжали существовать в кочевом скотоводческом хозяйстве казахов вплоть до перехода к оседлости. Так, до революции баран был мерилем стоимости крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов. Например, стоимость верблюда приравнивалась к стоимости 25 баранов, лошади — 8—12 баранов и т. п.

Развитие обмена усилило дифференциацию среди носителей андроновской культуры, о чем свидетельствуют находки на Алексеевском и Мало-Красноярском поселениях: каменная булава, как знак отличия родового и племенного вождя, военачальника и других должностей; об этом же свидетельствуют материалы могильников в Центральном Казахстане: Аксу-Аюлы, Талды-Нура, Атасу, Дандыбае и др. Наряду с богатыми могильниками здесь имеются и бедные могильники, содержащие лишь одни сосуды. В богатых же могильниках находятся золотые и серебряные сосуды, а также вещи с прекрасным лепным орнаментом.

В диссертации освещается вопрос об образовании первого классового общества, основанного на патриархально-рабовладельческих отношениях, эксплуатации рабов-пленников и своих сородичей.

Способы приобретения рабов были различными. Главным источником рабства было пленение во время междоусобных войн за расширение пастбищных угодий и умножение скота. В то же время наблюдаются внутренние противоречия, классовая борьба, выражающаяся в откочевках маломощных племен в глубь степей. На почве такой классовой борьбы создавалось государство в форме племенных и соседских территориальных административных объединений; во главе такого государства стоял племенной аристократ-рабовладелец. В поздний период андроновской культуры такое объединение происходило путем подчинения силой оружия родственных и соседних племен. Впоследствии этот процесс привел к созданию на территории Южной Сибири и Казахстана крупных племенных союзов.

Самопознания таких племенных союзов до нас не дошли; не сохранились они и в исторических источниках соседних государств. Эти названия могут быть представлены лишь ретроспективно на основе археологических, этнографических и палеоантропологических материалов.

Следует оговориться, что эти племенные союзы и административные объединения, получившие государственную форму, нельзя отнести к рабовладельческой формации в полном смысле этого слова, ибо рабство не стало здесь системой хозяйства. Нельзя также назвать их и феодальными, ибо земельная собственность не была еще здесь основой эксплуа-

¹⁷ Там же, стр. 145.

тации. Поэтому социально-экономический строй племенных союзов и административных объединений правильнее будет назвать патриархально-рабовладельческим (подобно патриархально-феодалному). «Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров,— пишет Ф. Энгельс,—это было первое крупное общественное разделение труда... Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно и богатства, с расширением поля производительной деятельности при совокупности данных исторических условий, с необходимостью влекло за собой рабство (подчеркнуто нами.— М. А.) Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых».¹⁸

Рабовладельческие отношения в кочевом хозяйстве Казахстана были вполне закономерным явлением. Они были обусловлены характером кочевого образа жизни казахского общества. Они определяли взаимоотношения между племенами и порождали войны за захват рабов. «Пленные мужчины и женщины поступают в неволю, почему каждый воин в сражении воодушевляется корыстью»,— гласит один из китайских источников.¹⁹

Китайские хроники 126, 121, 120, 103 и др. годов до н. э. сообщают о набегах гуннов и о войнах с ними усунюв, в результате которых было обращено в рабство от 10 до 40 тысяч человек. Такой же характер носили войны с тю-кю.

В орхон-енисейских, таласских и иных надписях нет никаких данных о признаках или об элементах феодализма; в то же время в этих надписях имеются определенные данные о наличии рабства.²⁰

Остатки материальной культуры того времени, в частности те остатки, которые обнаружены в горном Алтае, где жили предки казахских племен (аргины, найманы, киреиты и др.), свидетельствуют о наличии рабовладения в указанный период. Проф. С. И. Руденко сообщает, что «Горноалтайской экспедицией раскапывались не самые большие курганы, но и они при своем сооружении требовали больших затрат труда. Выемка около 200 куб. м грунта на глубину до 6 м, заготовка сотен бревен, а главное насып кургана, для чего надо было доставить свыше 2 000 куб. м камня, требовали затраты большой рабочей силы. По приблизительным подсчетам, на сооружение второго Башадарского (Бас-Адырского) кургана потребовалось затратить от 3 000 до 3 500 рабочих человеко-дней, не считая использования для этой работы упряжных животных».²¹ Ясно, что такие работы были непосильны для одной семьи, и, следовательно, они могли быть выполнены только трудом рабов.

О наличии количества скота у отдельных рабовладельцев (кочевых аристократов) сообщают данные казахского фольклора. В поэме «Козы Корпеш и Баян Слы» говорится, что Карабай имел 90 тыс. голов скота и 90 рабов, а у Сарыбая было еще больше. Но это может быть преувеличением. Обратимся к историческим источникам. Так, один из китайских источников IV—III в. до н. э. сообщает, что отдельные ари-

¹⁸ Там же, ГИПЛ, 1948, стр. 180—182. См. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 40—42.

¹⁹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», т. I, М., 1950, стр. 50, 103.

²⁰ С. Е. Малов, «Памятники древнетюркской письменности», Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 19, 27, 43 и сл.

²¹ С. И. Руденко, «Горноалтайские находки и скифы», М., 1952, стр. 55. См. также С. В. Киселев, «Древняя история Южной Сибири», М., 1951, стр. 131, 133.

стократы имели по 4—5 тысяч одних только лошадей. Где имелось столько лошадей, количество мелкого скота (овец и коз) обыкновенно превышало количество лошадей в два или три раза. Что же касается крупного рогатого скота и верблюдов, то ясно, что без них не могло быть кочевых скотоводческих хозяйств.

Ибн-Фадлан, например, сообщает, что в Приаралье он видел такие хозяйства кочевых аристократов, которые имели до 10 000 голов скота.

В кочевом хозяйстве мужской рабский труд находил свое применение, прежде всего, в обслуживании и уходе за мелким и крупным рогатым скотом, и в том числе за баранами и козами. Кочевой аристократ никогда не допускал рабов пасти лошадей, за которыми присматривали близкие родственники аристократа.

Мужской рабский труд применялся также на строительстве «шын-рау-кудук» и очистке пастбищ от снега для кормления скота. Помимо известных материалов Бернса, Гродекова и Галкина это было подтверждено данными экспедиции Академии Наук Казахской ССР и филиала ВАСХНИЛ, которые при обследовании целинных и залежных земель в районах Карагандинской, Акмолинской, Кустанайской областей и смежной с ними пустыни Бетпак-Дала обнаружили остатки многочисленных «апанов» (шынрау-кудук).

Некоторые историки ставят вопрос о том, каким образом в условиях бескрайней степи кочевой аристократ мог обеспечить охрану (или прикрепление) своих рабов и удержать их от бегства? Дело в том, что патриархальный характер присвоения чужого труда (в данном случае рабов-пастухов) закликается в «сроднении» («жана туган»), «усыновлении» («еншілес») и «сватовстве» («күшік-күйсу»), и т. п. Кроме того, для охраны или прикрепления рабов использовались пережитки родового быта — «жама-агайын»; к охране рабов привлекались сородичи и земляки, составлявшие «добровольную» вооруженную конницу. Они жили за счет подачек аристократа, беспощадно эксплуатировавшего рабов.

В связи с увеличением количества пленных рабов кочевая аристократия стала заставлять их заниматься земледелием и ремеслом, для чего выделялись специальные участки земли с постоянным местожительством рабов в данной местности. Но и в этом случае рабы охранялись близкими родственниками хозяина-аристократа. Это было своеобразное сочетание кочевого хозяйства с оседлостью. Такие примеры приводятся С. П. Толстовым в книге «Древний Хорезм».²²

Необходимо иметь в виду и то, что в условиях степи, когда родина пленников зачастую находилась за многие сотни километров, бегство на родину, да еще с семьей, практически было не всегда возможным.

Отары и жайлау кочевого аристократа находились отдельно от самого хозяйского аула. Бывали случаи, что рабы-пленники и сородичи (т. е. надсмотрщики над рабами) никогда не видели своего господина, так как все время жили среди скота и подобно скоту. Об этом свидетельствуют, например, данные казахского фольклора.

Так, в 13 варианте поэмы «Козы Корпеш и Баян Слу»²³ (считается самым древним вариантом поэмы) говорится, что когда джигит Козы Корпеш прибыл в отцовский табун для выбора себе коня, на котором он должен был отправиться в поиски своей невесты Баян Слу, то ни один пастух и даже ни один надсмотрщик, поставленные его отцом Са-

²² С. П. Толстов, «Древний Хорезм», М., 1948, стр. 257—258.

²³ См. 13, 14-й и др. варианты поэмы «Козы Корпеш и Баян Слу», хранящиеся в библиотеке АН КазССР.

рыбаем 18—20 лет тому назад, не узнали своего молодого господина, так как они ни разу не видели его. Археологические данные также говорят о том, что сам кочевой аристократ (рабовладелец) жил отдельно от своей отары, в долинах рек или возле «корыге» среди живописных гор и т. п., а отары с рабами и пастухами находились за горами, далеко от аула. Там же находились и надсмотрщики.

Археологическими исследованиями А. Н. Бернштама в Южном Семиречье установлено, что погребения представителей имущих классов размещались около зимовок, тогда как в отаре или в жайлау хоронились представители неимущих классов. Об этом в диссертации приводятся многочисленные факты.²⁴

В кочевом аристократическом хозяйстве широкое применение находил женский труд, который, наряду с мужским, использовался главным образом для обработки продуктов скотоводческого производства. По фольклорным данным и устной истории («шежере») можно представить картину целого цикла работ: «уйтігу», «уйжигу», «туіе қомдау», «аулықондыру», «бийебайлау», «бийесау», «қымыз ашыту», «қойтоғыту», «қойқырку», «жұнсабау», «кийіздебу», «кийізқарлу», «кийізбасу», «шитарту», «шитоку», «шиорау», «қой сауу», «іркітбісу», «майалу», «құртқайнату», «құртезу», «шубатбаптау», «жылқықузеу», «тізгінесу», «шылбыресу», «желіесу», «ағашкесу», «морсалу», «тезбасу», «коктеу», «нисалу», «малмасасу», «теріқыру», «талқыбасу», «тоншалбар тігу», «жарғақтігу», «тұлыпжасау», «қонеккепоу», «қонеккою», «қауғажасау», «өрнексалу», «оюсалу», «ыссалу», «сабатігу», «отыншабу», «қытасу», «аспісіру» и другие бесчисленные работы.

Если описать каждую из вышеназванных работ, то это заняло бы очень много места. Тяжесть этих работ неопределима. Если учесть еще совокупность всех этих работ, то можно утверждать, что кочевое скотоводческое хозяйство без применения рабского труда не могло существовать. Речь идет, конечно, о крупных хозяйствах, о таких, которые имели по 10 тысяч голов скота.

Пережитки далекого прошлого сохранились вплоть до Октябрьской революции и даже до наших дней: «калым», многоженство, «амсипгерство», «еншілес», «уکیلқуісу», и т. п. Своё начало они ведут из эпохи рабовладельческого времени. Кочевой аристократ, который имел 7—8 жен, содержал их не столько как жен, сколько как рабочую силу, более надежную, чем рабыни, а их взрослых сыновей использовал как «главных надсмотрщиков» отдельно в «козыауле», «койауле», «кішіауле», и «токалауле». Потомки вторых жен («токал»), как правило, не считались полноправными членами семьи по сравнению с сыновьями первой жены («байбише»). Сыновья «байбише» больше получали от отца наследства и земли. Если сыновья «байбише» хотели, то могли оставить сыновей токал без земли и превратить их в рабов. Укажем для примера Аброя тю-кюйского времени, который был лишен всего наследства как сын от незаконного брака токал.

Игнорируя все это, некоторые историки до сих пор продолжают считать, что Казахстан миновал рабовладельческий строй. Все остатки материальной культуры рабовладельческой эпохи они приписывают раннефеодальному способу производства, а самих носителей этой эпохи считают монголами; пантюркисты же считают их тю-кюйцами. Диссертант в меру своих возможностей опровергает подобные утверждения.

²⁴ Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. Составлены под руководством А. Н. Бернштама. М., 1950, № 14.

• • •

Четвертая глава посвящена исследованию проблемы сложения племенных союзов, образования различных государств и начала формирования казахского народа. Известно, что предверием образования народов были объединения племен и отдельных племенных союзов. Такой процесс в условиях Средней Азии, Южной Сибири и Казахстана продолжался с VIII—VII веков до н. э. по VII—VIII века н. э., т. е. до возникновения феодальных отношений.

Эта эпоха сложения племенных союзов распадается на два периода: ранний и поздний.

К раннему периоду образования племенных союзов относятся скифско-сакский и гунно-тю-кюйский союзы. Он охватывает период от появления скифских племенных союзов (саков, скифов, массагетов, сарматов, дин-линцев, телессов, усуней и канглы) до распада племенного объединения с рабовладельческим способом производства — Западно-тюркского каганата.

Второй период начинается с распада Западнотюркского каганата и кончается возникновением раздробленных феодальных объединений на территории Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Эти объединения включали в себя многочисленные племенные союзы, которые явились основой формирования казахского, киргизского, узбекского, туркменского, уйгурского и других народов.

В первом периоде сложение племенных союзов не привело к образованию отдельных народов, как это произошло во втором периоде. Вторым период по сравнению с первым был относительно «мирным» сосуществованием раздробленных племенных союзов.

История первого периода сопровождалась многочисленными войнами. Для примера укажем, что на сакские племена напали из Ирана ахеменидские полчища, которые в течение двух-трех веков не давали им покоя, т. е. до тех пор, пока сами не стали жертвой захватов Александра Македонского. Затем в IV—II веках до н. э. формирование народов Средней Азии и Казахстана было задержано греко-македонским нашествием.

Однако одни завоеватели приходили, другие уходили, но племена Средней Азии и Казахстана оставались на своем насиженном месте.

Иноземные угрозы и захваты не прекращались. Начиная с II—I веков до н. э., особенно в III веке н. э. над народами Средней Азии, Казахстана и Европы нависла смертельная опасность в связи с нашествием гуннов. Затем Южная Сибирь, Казахстан и Средняя Азия пережили еще нашествие Сэн-Би (II—IV вв.); жоужанов (V—VI вв.) и тю-кю (VI—VII вв.).

Особенно страшным и безжалостным было гуннское нашествие, до основания разрушившее тагарскую, маиэмирскую, пазырыкскую, сако-усуньскую и другие культуры. Спасаясь от этого нашествия, население Северо-Восточного Казахстана (т. е. носители тагарской, маиэмирской и пазырыкской культур) откочевало вначале в казахскую степь, а потом перекочевало на нижнее течение Урала и Волги. Начало переселения совпадает с тем временем, когда «между 201 и 204 годами до н. э. гуннский шаню — Модэ наносит первый удар с Востока на Южную Сибирь и Среднюю Азию».²⁵

Археологические раскопки свидетельствуют о том, что после гуннского вторжения от «цветущего» горного Алтая и Восточного Казах-

²⁵ Н. Я. Бичурин (Иакинф), «Собрание сведений», М., 1950, т. I, стр. 48—57.

стана и от крупнейших оросительных систем Средней Азии не осталось и следа.

Разграбление гуннами материальных ценностей и истребление людей было настолько ужасным, что в пределах данной территории на три-четыре века прекратилась жизнедеятельность человека.²⁶

На обширных территориях казахских степей из отдельных остатков автохтонных племен, спасшихся от гуннского истребления, постепенно начали складываться новые племенные группы и объединения. Кипчаки и остатки других племен, обессиленные разорением гуннов, не могли в первое время после нашествия составить самостоятельные племенные союзы. Они вошли в мощный сако-массагетский племенной союз, подвергшийся нападению армии Александра Македонского.²⁷

Кочевое население северной и южной части Казахстана, вытесненное с двух сторон, стало переводить свои кочевья в казахские степи на восток. Китайские источники называют их «Да юэцжи» (массагеты).²⁸

Кочевое население, изгнанное с северо-востока гуннами и с юга-востока — македонскими и греко-бактрийскими захватчиками, в течение последующих двух-трех веков оправляется от нанесенных ударов, обнаруживает жизнеспособность. Кочевники используют широкие просторы и природные богатства казахских земель и выступают как наследники и продолжатели андроновской, усуню-кангюйской, тагарской и бегазийской культур.

Македонские и греко-бактрийские завоеватели не сумели изменить основные формы жизни кочевников.

Что же касается гуннов, то они по общественному строю и культуре стояли на более низком уровне развития в сравнении с местным населением Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Поэтому они в конце концов были вынуждены слиться с местным населением или переселиться в южную часть Восточной Европы. Значительная часть гуннов направилась на запад; та же часть, которая осталась среди массагетов и других южносибирских народностей, ассимилировалась с ними.

Ассимилированных гуннов было не меньше, чем самих автохтонных племен; эта ассимиляция оказалась настолько заметной, что она изменила физический облик местного европеоидного населения. Все без исключения антропологи отмечают, что только в это время южносибирский тип начинает оформляться как таковой.

Таким образом, предки казахского, киргизского, узбекского, уйгурского, туркменского, алтайского и других тюркско-монгольских народностей образовались путем ассимиляции двух антропологических типов: европеоидного, т. е. местного сако-массагетского и монголоидного (гунно-сяньбийского), т. е. пришедшего с Востока. После взаимной долголетней ассимиляции эти два типа стали известны под антропологическим названием южносибирского расотипа.

Само собой понятно, что после образования южносибирского расотипа его дальнейшее развитие проходило не прямой дорогой; здесь были отливы и приливы, соответственно ступеням развития человеческого общества. Если подытожить антропологические данные по Сибири и Средней Азии, то получается, что в связи с проникновением сюда гуннов, сяньби, жоужан и тю-кю происходит непрерывное увеличение количества

²⁶ С. И. Руденко, «Горноалтайские находки и скифы», М., 1952, стр. 258.

²⁷ С. П. Толстов, «Древний Хорезм», М., 1948, стр. 241—247.

²⁸ Там же, стр. 242.

центральноазиатских монголоидов. Именно в это время (в VIII—X вв.) образуется южносибирский новый тип, особенно характерный для казахов.²⁰

Возникновение тю-кюйского государства начинается со второй половины VI века. Тю-кюйцы с помощью оружия стали превращать покоренное население в рабов. Господство тю-кю с переменным успехом длилось в течение полутора веков.

Тю-кюйское господство было настолько жестоким, что покоренные племена, не раз восстававшие против завоевателей, вынуждены были покинуть, наконец, свое местожительство. В это время с северо-востока на юго-восток Семиречья и дальше на юг переместился союз племен огузов, влившийся в состав местного населения, в связи с чем началось формирование туркменского народа. По той же причине на юг стали переселяться остальные северные племена — киргизы, карлуки, кипчаки, тюргеши, аргины и др.

Впервые в историографии тюрко-монгольского народа диссертантом поставлен вопрос о происхождении тю-кюйского племени в отличие от тюркского народа. Тю-кюйцы были здесь пришельцами из Центральной Азии в отличие от предков киргизов, узбеков, казахов, туркмен, уйгур и др. тюркских народов. Об этом свидетельствует ряд фактов. Одним из таких фактов является то, что когда тю-кюйская племенная знать, воспользовавшись победой телесских племен над жоужанами, стала возвышаться, то это возвышение было принято враждебно всеми местными племенами: теле, тардушами, карлуками, кипчаками, тюргешами, киргизами, уйгурами, огузами и алтайцами.

Тю-кюйцы подчинили себе все местные племена и превратили их в рабов.

Документы говорят, что тю-кюйская война велась за красный шелк, золото и рабов. Тю-кюйцы называли себя темирами, т. е. господами, аристократами, а подвластное население — татами, т. е. рабами. Отсюда поговорка: «Татсыз тюрк болмас, бассыз бөрік болмас», т. е. «не может быть тюрка без раба, подобно тому, как не может быть головного убора без головы».

Тардуши, карлуки, кимаки, киргизы, уйгуры, огузы и другие племена неоднократно восставали против тю-кюйского господства, а потом откочевали на юго-запад.

Отделившись от могущественного Восточнотюркского каганата, они создали свой Западнотюркский каганат, принявший протекторат Восточнотюркского каганата.

Западнотюркский каганат во всем подражал Восточнотюркскому, его правители тоже стали именовать себя хаанами, поскольку это не противоречило классовым интересам племенной аристократии.

Эти исторические факты пантюркисты стремятся теперь использовать для оправдания своей агрессивной политики, ссылаясь на то, что их предки якобы происходят от тюркского пранарода, жившего в горном Алтае.

Такая версия не имеет ничего общего с действительным происхождением тюркоязычных народов, ибо они, как мы уже говорили, происходят от аборигенного населения Южной Сибири и Казахстана, тогда

²⁰ Р. Ф. Дебед, «Основные итоги палеоантропологических исследований СССР», М., 1956, стр. 9.

как тюрки (тю-кю) на Алтае являются пришельцами из монгольской среды Центральной Азии; но они не были монголами.

В нашу задачу не входит выяснение вопросов о том, когда тю-кюйцы пришли на северо-восток, как они смешались с местным алтайским населением и приняли тюркский (сакский) язык. В диссертации указывается существенное различие между местным южносибирским населением и пришельцами тю-кюйцами. В частности, приведены факты о том, что тюркское (сакское и динлинское) население Южной Сибири и Казахстана хоронило своих умерших в землю с телом, тогда как тю-кюйцы повсюду практиковали трупосожжение, которое было официально отменено только в первой четверти VII века при кагане Цзи-ли.³⁰ У тю-кюйцев соществовали и другие обычаи, например, строительство над могилой «балбалы», которых не знало местное тюркское население.

Первоначально язык тю-кюйцев был близок к языкам монголов. При переходе из Центральной Азии тю-кюйцы со временем восприняли местный тюркский язык. Об этом свидетельствуют элементы монгольского языка, сохранившиеся у них еще в период Восточнотюркского каганата. В дошедших до нас орхонских надписях обнаруживаются элементы монгольского языка, например, грамматический строй с многочисленным монгольским словарным запасом; таласские и енисейские киргизские памятники элементов монгольского языка не имеют.³¹

Язык, связанный с именем «тюрк» (тю-кю), не был принесен извне, а был языком коренных местных жителей — саков, массагетов и динлинцев, о чем свидетельствуют явно тюркские основы их наречий, имен и топонимии.

В главе приведены многочисленные факты в подтверждение гипотезы автора о том, что сакский язык (по выражению античных авторов — скифский) на территории Южной Сибири был исконным языком саков-массагетов и динлинцев. Геродот интересовался всеми вопросами истории, он описал не только жизнь и быт сако-скифского народа, но и собрал из уст местных жителей сведения о происхождении скифов-саков.

В связи с этим значительный интерес представляют легенды. Историки, конечно, могут взять под сомнение достоверность фабулы той или иной легенды, но не имеют основания сомневаться в правильности имен, прозвищ, данных топонимии и словарного состава легенды. Если проанализировать словарный фонд ряда легенд, то мы встретим в них не только элементы, но даже основы словарного фонда языка. В связи с этим вспомним словарный состав легенды о трех сыновьях Таргита, записанной Геродотом из уст сакского человека. Геродот пишет, что у Таргиты было три сына—Урпаксай, Колаксай, Липоксай, что они жили в горах Алтунтаге, кочевали на яйлак в области Мастаг и т. д.³² Сравним теперь эту легенду с казахской легендой, правда, более позднего периода, о четырех братьях, которые приехали откуда-то издалека на гору Тарбагатаев. Их называли: Таганатай, Таргылтай, Боденетай, Боргельтай. Они тоже кочевали на жайлау к горе Алтунтаге. Здесь мы встречаемся с поразительным сходством этих легенд по фабуле и терминологии.

³⁰ Л. П. Потапов, «Очерки по истории алтайцев», М., 1951, стр. 81.

³¹ П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль Тегина, вып. II—III, СПб. 1899, стр. 47.

³² См. История СССР, части I—II (на правах рукописи), М., 1939, стр. 220—222, а также см. «Древние авторы о Средней Азии», Ташкент, 1940.

Если применить сравнительный метод для выяснения родства языков в этих словах то мы не найдем ни одного слога чуждого сакского (тюркского) языка и наречия.³¹ Основной словарный фонд состоит из слов: «сай», «тай», «кулак», «урпак», «лак» «тар», «таргил», «алтун», «тау», «таг», «тат», «яйлак», «бас», «мас», «тарбага», «гага», «бодене», «боденетай», «боргелтай» и т. п. В этих словах как в корне, так и в самом слове, мы не встречаем элементов персидского, арабского и китайского языков. Античные авторы, русские и зарубежные ориенталисты относят эту легенду не к черноморским скифам, а именно к кочевым скифам, находящимся к северу от Яксарта (Сыр-Дарья). Плиний носителей этой легенды помещает к северу от Яксарта, т. е. туда, где жили саки.

Что же касается языка северных кочевников динлинцев (теле или телесов), то не вызывает сомнения, что он является одним из диалектов сакской (тюркской) системы языков. Об этом свидетельствуют енисейские (киргизские) памятники, основанные на тюркском языке местного населения. П. М. Мелиоранский относит их к VI в. н. э.³² Орхонские надписи Мелиоранским и другими учеными отнесены к VII—VIII вв. Следовательно, по возрасту киргизские надписи являются старшими.

Племена юго-восточной части Казахстана (усуны, канглы, тардуши, кипчаки, тюргеши, карлуки и др.) также говорили на своем племенном сакском (тюркском) языке, родственном тюркской системе. Об этом свидетельствуют таласский памятник (более древний, чем енисейские и орхонские надписи) и надпись на монете тюргешского каганата.

В пользу высказываемой нами гипотезы разберем надпись на монете тюргешского кагана. На лицевой стороне монеты на сакско-тюркском языке написано достоинство монеты: «Тюргешкаган бай бага», на обратной стороне — «Штумы онык тамга».³³ Из этих фраз видно, что они состоят из древних сакско-тюркских слов. В таласской же надписи мы встречаем слова: «тул», «отыз», «ул», «хатун», «кыз» и др., которые понятны даже современному поколению.

Следуя ретроспективному методу исследования, заглянем теперь в еще более древний период, в период языка усунь-кангюйского времени. Имена, прозвища и данные топонимии там обозначаются лишь на тюркской основе. Об этом свидетельствуют установленные нами имена, данные топонимии и названия предметов, вошедшие в язык китайского народа. Это заимствовано нами из известного труда Н. Я. Бичурина.

Н. Я. Бичурин не знал тюркского языка, но он хорошо владел китайским и русским языками. Поэтому нельзя сомневаться в достоверности его тюркских слов как терминологии, взятой из китайских источников, вошедших еще в IV и III веках до н. э. в китайский язык. Он перенес эти слова из китайского языка в русский язык механически, в таком виде, в каком он обнаружил их в архивных документах. Если бы усунь, кангюй или другие многочисленные племена и роды (их, по Бичурину, около ста и больше), обитавшие тогда в Средней Азии, Казахстане и Южной Сибири, говорили бы на персидском языке (как это считают некоторые ориенталисты), то эти термины могли бы

³¹ П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, М., 1878, стр. 47.

³² Там же.

³³ А. Н. Бернштам, «Новый тип тюркских монет», Тюркологический сборник, 1, 1947, стр. 18—74.

войти в китайский язык с персидской, арабской или другой основой (хотя бы в именах людей). Но такие элементы нами не обнаружены. Наоборот, все термины, касающиеся усуней, кангюй, янсая и многих других южносибирских племен и родов, написаны Бичуриным на сакско-тюркском языке. Для примера приведем некоторые из них: «шуйе», «ай», «аркан», «яркан», «калкаман», «шаган», «байсин», «бугре», «сарлык», «карлык», «шыргай», «мыргай-таг», «яргак» и т. п. слова.³⁶ В диссертации приведено около 70 разных тюркских слов, изучение которых приводит нас к мысли, что язык усуней, кангюй, янсая и других многочисленных племен и родов Южной Сибири и Средней Азии следует рассматривать как один из диалектов тюркской системы.

Конечно, тогда язык был несложный, с очень скудным словарным фондом и примитивным грамматическим строем, о чем свидетельствует таласский памятник, «кодекс куманикус», тюркешская монета и др. В дальнейшем эти языки и диалекты нашли свое отражение в трудах Махмуда Кашгарского, Юсуфа Баласагунского, Сулеймана Бакыргани, Ходжа Ахмета Ясави.³⁷

Все эти родственные языки с VII—VIII вв. н. э. стали называть тюркскими языками, а их носителей — тюрками. Из вышеприведенных материалов видно, что такой язык, безусловно, существовал ранее. Как его называли тогда, мы не знаем. Но все же есть гипотеза, что этот язык назывался именем его носителей — сакским (скифским). Об этом, например, свидетельствует сообщение Протектора Менандра о приезде в Константинополь послов Западнотюркского каганата. Автор пишет: «В начале четвертого года царствования Юстина II-го (по нашей 563 г. н. э.) приехало посольство тюрков в Константинополь... главой которого был Маниях. Император через переводчика ознакомился с написанной на скифском языке грамотой и принял послов любезно».³⁸ В конце сообщения говорится более определенно: «Так как тюрки, которые раньше называли себя саками (подчеркнуто нами — М. А.), послали послов к Юстину, то последний решил также послать к ним таковых. Он приказал Земарху Киликийцу... готовиться к этому путешествию».³⁹ Отсюда напрашивается вывод, что если народ раньше называл себя саками, то логично допустить, что он мог называть свой язык сакским. Поэтому мы считаем возможным до появления термина «тюрок» называть этот язык сакским. Отсюда другой вывод, что мы не можем согласиться с теми авторами, которые без серьезных доводов настаивают, что сакомассагеты, сарматы и динлинцы якобы говорили на иранском языке, были иранцами.

Мы устанавливаем, что различные этнические группы Северо-Западной Азии непрерывно передвигались по обширным просторам Се-

³⁶ Н. Я. Бичурин (Иакинф), «Собрание сведений», т. II М., 1951, стр. 164, 170, 173, 199, 204 и след.

³⁷ См. «Диван луга-ат-тюрк» Махмуда Кашгарского; «Кудатку Билик» Юсуфа Баласагунского; «Диван-и-Хикмет», Ахмеда Ясави; «Бакыргани», Сулеймана Бакыргани и др.

³⁸ См. книгу Менандра Протектора, стр. 225—229. Цитаты нами взяты из перевода «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», Сборник I, 1935, Москва — Алма-Ата, стр. 13—14 Составители в свою очередь ссылаются на «фрагменты греческих историков», т. IV, стр. 225—229.

³⁹ Там же, стр. 229.

веро-Западной и Средней Азии с севера на юг и с юга на север, кочевали не изолированно друг от друга и поддерживали связь с оседлым населением юга или севера, например, с динлинцами на севере, согдийцами на юге. По словам К. Маркса, постоянный наплыв с азиатских плоскогорий новых кочевников («избыточное население») создавало такое смешение, что в конце концов формировался новый антропологический тип.

Советские археологи, антропологи, этнографы и историки считают, что Западная Сибирь и северо-восточная часть Европы были настоящей эйкуменой уральского антропологического типа, потомками которого являются нынешние ханты, манси и другие угро-финские народности. Южная Сибирь, Средняя Азия, и Восточный Туркестан были эйкуменой южносибирского типа, потомками которого являются казахи, киргизы, узбеки, туркмены, уйгуры, хакасы, якуты и др. тюркоязычные народы.

В первый период образования племенных союзов уже был создан необходимый потенциал для образования народностей, но оно не осуществилось потому, что для этого не созрели еще необходимые условия. Особенно этому мешало почти непрерывное нашествие различных завоевателей, вторгавшихся с плоскогорья Центральной Азии в Северо-Западную Азию и на юго-восток Европы.

Второй период образования племенных союзов, который является предверием образования народностей, начинается распадом последнего рабовладельческого государства и появлением на территории Южной Сибири и Казахстана феодальных отношений.

Последним рабовладельческим государством был Западнотюркский каганат, подчинивший все племена и навязавший им свое имя — тюрков. Скопление рабов в руках тюркских беков было настолько огромным, что тюркские беки продавали их за границу по 80—60 тысяч человек. В главе приведены многочисленные факты о кризисе рабовладельческого строя в государстве тюрков. Весьма показательно, что против тюркского государства восстали почти все племена Южной Сибири и Средней Азии.

Одной из распространенных форм классовой борьбы у кочевых и полукочевых народов было бегство рабов целыми родами и племенами. Одно из таких бегств было возглавлено рабом Аbruем. Возглавив больше двухсот кочевников, он, отбиваясь от преследователей, перекочевал на юг Средней Азии. Его бегство кончилось неудачей, но все же оно является одним из характерных примеров, о котором сохранился подлинный документ.

Интересны также фрагменты орхонских надписей. Хотя и косвенно, но в них отражается распад Западнотюркского каганата; можно установить, например, что весь народ восстал против кагана, в результате чего было ликвидировано это деспотическое рабовладельческое государство.

Следующий отрывок прямо вводит в интересующие нас события:

- Сели неразумные каганы,
- Сели трусливые каганы,
- Все их буюроки были неразумны, были трусливые,
- Из-за непрямоты беков и народа,
- Из-за подстрекательства и шпионства китайского народа.
- Из-за прельщений с его стороны,
- Из-за вражды младших братьев со старшими,
- Из-за вражды между беками и народом,

— Народ тюрков расстроил своего эля, погубил правившего им кагана.

— Тюркские беки сложили с себя тюркские имена и т. д.⁴⁰

После падения Западнотюркского каганата происходит процесс объединения административных племенных союзов под старыми или новыми названиями; объединение это происходит на основе феодального способа производства, на основе частной собственности на землю. Так, на территории Южной Сибири и Казахстана под общим названием «казах» образовались десятки административных объединений племенных союзов, которые были тесно связаны между собой, имели исторически сложившуюся общность в экономике, территории, языке и психическом складе, проявлявшемся в общности культуры. Эти союзы племен следующие: дулаты (VI—VII вв.), (тюргеши (VII—VIII вв.) карлуки (VIII—X вв.), кара-китаи (XII—XIII вв.), кимаки (IX в.), кипчаки (IX—XII вв.), найманы (XI—XII вв.), кериты (XI—XII вв.), караханиды (X—XII вв.) и др. В диссертации подробно описывается место пребывания и формы хозяйствования каждого племенного административного объединения.

В Семиречье слагается первое феодальное государство—дулатов, в составе которого было десять аймаков. Из них пять — нушибийцы и пять — дулу. Языком дулатов стало одно из жокающих наречий.⁴¹ На базе дулатских аймаков, слагается второе феодальное государство — тюргешей; оно просуществовало с 689 по 766 год. Во главе этого государства стоял хан, владелец всей земли, занимаемой племенем. Кочевое хозяйство здесь сочеталось с оседлостью. Хан находился в оседлом районе, имел свою столицу в городе Чигу, (старый город усуней). Хозяйство имело развитые торговые отношения со всеми кочевниками, свои чеканные монеты. Судя по языку монет, тюргеши говорили на одном из диалектов тюркской системы.

В Северо-Западном Казахстане слагается другое феодальное государство — кипчакское. Оно было наиболее многочисленным из всех феодальных объединений и включало в себя на севере — кимаков и юго-западе — местное аборигенное население; сарматов, торков и хазаров, на юге — частью огузов. Кипчакский язык был жокающим наречием тюркской системы. Один из образцов этого языка сохранился в фрагментах «кодекса куманикус», в котором мы читаем «алтын», «казык», «бугун», «кун», «улы», «кыз» и т. п.

Кипчакское государство просуществовало с VIII века до вторжения полчищ Чингиз-хана. Несмотря на насильственную ассимиляцию, а также искусственное раздробление, кипчакское государство, особенно его население, показало свою жизнеспособность, в конце концов оно поглотило тех монголов, которые пришли сюда с полчищами Чингиз-хана. Даже само чингизовское государство долгое время называлось кипчакским; иранцы и арабы называли его «дешт кипчак», т. е. кипчакская земля. Официальным языком обоих чингизовских улусов (жочиды и чагатаиды) был кипчакский язык. Чагатайский литературный (точнее книжный) язык образовался из корней тюркского языка кипчакского диалекта.

⁴⁰ С. Е. Малов, «Памятники древнетюркской письменности», Москва, 1951, стр. 19—27.

⁴¹ А. Н. Бернштам, «Советская этнография», т. VI, М., 1947, стр. 156. См. также С. А. Аманжолов, «Некоторые сведения о древних племенных диалектах казахского языка», Известия Академии Наук Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, вып. 1—2, Алма-Ата, 1954.

В Восточном Казахстане (начиная от Западного Алтая, включая сюда часть Семиречья и Центральный Казахстан) на месте распавшегося феодального объединения тюргешей с 766 года стало существовать — как продолжение тюргешского государства — государство карлуков. В сравнении с теми объединениями, которые описываются в диссертации, наиболее достоверные сведения сохранились о Карлукском государстве. Хронологически это государство существовало до появления Кара-киданского государства.

Кара-киданское государство не могло ликвидировать Карлукское государство; оно было подчинено как вассальное государство. Каракиды были пришельцами с Востока, из тунгусской среды. В 1140 году они напали на Карлукское государство, обратив его в вассальную зависимость. Кара-киданское государство просуществовало до 1210 года.

Язык Карлукского государства также был тюркским, о чем свидетельствует само название «карлук» (карлык). Карлукские термины «таганатай», «таргылтай», «боденетай», «бергельтай», созвучны с терминологией Геродота. Дашные топонимы целиком состоят из тюркских слов: «тарбигатай» («тарбыгали-тау»), «кандыгатай» («кандыгалы-тау»), «Арслан», «тарбыга», «кандыга», «ой», «кара-ой». Диссертант в работе «Проблема народности казахских социально-бытовых поэм» доказал, что поэма «Козы Корпеш и Баян Слы» принадлежит карлукскому племени, что язык поэмы является карлукским языком.⁴² Многие авторы, в том числе неизвестный автор книги «Область мира», оставили нам обилие сведений о территории Карлукского государства, его населении, культуре, формах жилищ, земледелии, скотоводстве, устройстве городов и торговых связях с соседними государствами. Основываясь на всех этих данных, можно уверенно предполагать, что Карлукское государство было, несомненно, первым зачатком объединения и сложения казахского народа.

Диссертант приводит данные о том, что карлукское объединение имело исторически сложившуюся общность территории. По сведениям автора «Области мира», это государство занимало территорию, по которой с запада на восток — до 30 дней верховой езды; с севера на юг — еще больше езды, причем на севере оно граничило с хакассами, а на юге с согдианцами.

На территории горного и Западного Алтая было образовано Найманское феодальное государство. Как самостоятельное государство оно существовало с IX—X в. до начала XIII в., т. е. вторжения Чингиз-хана. Во главе этого государства стоял хан; оно считалось наиболее развитым государством. Язык этого государства был также казахским,⁴³ резко отличавшимся от остальных тюркских языков с жокающим диалектом, о чем свидетельствуют извлеченные нами слова из книги Рашид-ад-дина «Сборник летописей»: «куш», «кушлик», «кекес», «тумак», «жер», «жеруйык», «джир»⁴⁴ и т. д. Найманы принадлежали к южносибирскому антропологическому типу, что подтверждается исследованиями Гинзбурга и Залкинда.

⁴² М. Ахинжанов, Проблема народности казахских социально-бытовых поэм, Алма-Ата, 1955.

⁴³ С. Лманжолов. Некоторые сведения о древних племенных диалектах казахского языка. Известия АН КазССР, сер. филологии и искусствоведения, вып. 1—2. Алма-Ата, 1954, стр. 89.

⁴⁴ Там же, стр. 91.

На территории Северо-Восточного Алтая в X—XII веках образовалось военно-административное Киреитское государство. Киреиты долгое время господствовали над предками Чингиз-хана. Сам Чингиз-хан обязан своим возвышением киреитам, так как только при поддержке и с помощью Киреитского государства он смог стать ханом.

Язык киреитов был также тюркским, более близким к найманскому диалекту.⁴⁶ Киреитское государство существовало до возвышения Чингиз-хана. Затем Чингиз-хан напал на своего бывшего сюзерена, подчинил его и стал одним из сильных ханов.

Продолжателем Карлукского объединения на северо-востоке было ханство Караханидов. Сам Карахан происходил из племени тохсу-ягма, жившего в это время на северо-востоке Семиречья.

Будучи крупным феодалом, Карахан первоначально подчинил мелкие племена на востоке, а летом 992 года завоевал Карлукское государство, заставив население платить большую дань. Покорив Карлукское государство, Карахан провозгласил себя елханом, т. е. ханом всей страны, и назвал эту страну своим именем — Караханидское ханство. С этого момента Карлукское государство сходит со страниц истории, но сам народ остается, правда, в подчиненном положении караханидам.

В диссертации приводится фактический материал о том, что в период Караханидского ханства продолжался процесс формирования казахской народности, далеко не закончившийся.

Караханидское государство отталкивало все кочевое население как непроезizableное с точки зрения феодала-землевладельца. Караханиды больше всего обращали внимание на оседлое население, считая, что это население более выгодно эксплуатировать, чем кочевое. Хан раздавал феодалам акты на владение землей, присвоив им почетное имя — тархан, т. е. неприкосновенный человек. Институт ихта, ихтадар появился как раз в это время; он укреплял власть землевладельцев над крестьянами — землепашцами.

Один из ученых того времени, Юсуф Баласагунский, написал в виде наставления книгу — «Кудатку-билик». В этой книге он указывает, что разжигание ссоры между кочевниками и оседлым населением является большим злом. Он поучал караханидов не обижать кочевое население, но караханиды с этим не считались, продолжая преследовать кочевников. Поэтому откочевки из Караханидского государства продолжались. Эти кочевники, не признавшие над собой власть хана, окончательно закрепили за собой название «казахи».

Диссертант не рассматривает вопрос о том, когда кочевники впервые стали называть себя казахами, туркменами, киргизами, уйгурами и др. Автор согласен с теми учеными (в том числе с Чоканом Валихановым), которые утверждают о том, что наименование «казах» приняли союзы (усуны, албаны, аргины, канглы, найманы, киреиты, дулаты, конграты, кипчаки, алимулы (каракесски), байулы и жетыруы), которые в III—I вв. до н. э.—I—IV вв. н. э., не подчинившись многочисленным агрессорам, перенесли свои кочевья в казахскую степь, где, не признавая над собой власть пришельцев-ханов, стали называться казахами, т. е. вольными кочевниками. Что касается этнического термина «казах», то он был известен в китайской хронике еще 250 лет до н. э.; заметим, что это соответствует гипотезе Ч. Валиханова. Во главе этих союзов стали кочующие вместе с племенами племенные вожди — «бии».

⁴⁶ Там же, стр. 92—93.

Институт «бийства» был феодальным институтом, соответствовавшим кочевому образу жизни казахов. Бий имел неограниченную (наследственную) власть над кочевниками. Бии управляли по типу феодальной иерархии.

Таким образом, вся казахская земля была разделена на улусы. Всего было двенадцать улусов: усуну, аргину, найманы, дулаты, албаны, канглы, жетыруу, алимулы, байулы, конрады, киренты, кипчаки. Каждый из этих улусов делился на несколько племен, племена делились на десятки родов, роды — на многочисленные аулы.

Несмотря на такую раздробленность, все эти племена в VII—X вв. в какой-то мере все же составили единый народ — казахов. Единым народом они были потому, что у них складывалась общность языка, экономики, культуры и территории (казахская степь). К тому же летние и осенние кочевья (жайлау и кузеу) улусов находились в совместном пользовании или пересекались друг с другом, являясь связывающим местом между улусами, племенами и родами, своеобразным рынком, где отдельные улусы, племена, роды и аулы обменивались продуктами производства; здесь же происходили официальные и личные встречи.

Об этом великий поэт Абай Кунанбаев писал так:

«На весеннем кочевье аулы сошлись,
В общей радости родственники обнялись,
А знакомые просто, шутя и смеясь,
Обо всем толковать по душам принялись...
На верблюдах товары привозит купец,
У хозяев двоятся отары овец,
Тяжеск труд земледельческий — вспашка, посев,
Но земля все же сторицей воздает под конец...»⁴⁶

Таким образом, в VII—X вв. создались объективные условия сложения исторической общности языка казахского народа, его культуры, территории и экономики. Этот процесс формирования казахской народности наиболее интенсивно происходил вокруг двух союзов племен — карлукского и кипчакского, имевших между собой тесные связи, обусловленные кочевым образом жизни. Но органическому объединению всех этих племенных союзов в единый казахский народ препятствовали специфические условия кочевого образа жизни, при котором происходило посезонное объединение и разъединение улусов и племен. Но эта проблема является особой темой исследования, которая выходит за рамки данной диссертации.

⁴⁶ Абай Кунанбаев Собрание сочинений в одном томе. ИИХЛ, Москва, 1954, стр. 145—146.